

Опасные
удовольствия

ДАРЬЯ СИМОНОВА

ЦЕЛЬНАЯ КОРОНА

Дарья Всеволодовна Симонова
Пыльная корона
Серия «Опасные удовольствия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63353467
Пыльная корона: Центрполиграф; Москва; 2021
ISBN 978-5-227-09284-7

Аннотация

Расследуется внезапная и загадочная смерть лучшей преподавательницы и репетитора в музыкальном училище Анны Карловны по прозвищу Инквизиция. Подозрение падает на ее учеников и любовниц мужа убитой... («Пируэт Бильман»)

Даже уйдя от мужа, Ева была защищена его заботой, жила спокойно и обеспеченно. Но случилось непредвиденное – бывшего супруга подставили, и Ева решила действовать, понимая, что надо спасти его и себя... («Пыльная корона»)

Содержание

Пируэт Бильман

4

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Дарья Симонова

Пыльная корона

Пируэт Бильман

Присесть в ожидании было некуда, кроме мокрых качелей во дворе. Внутри томиться не хотелось – там было недружественно, и само пребывание заранее налагало неведомую меру пресечения. Отчего начиналась одышка бессилия перед системой. «Тина! Идем!» – услышала она повелительное и нетерпеливое. Сын называл ее по имени, так у них давно повелось. Валентину окатило моментальным ужасом, растворившимся сосудистым спазмом в кончиках пальцев. Они вошли в кабинет следователя. Он был молод, мускулист и равнодушен. Едва кивнув, продолжил что-то упорно писать в своих бумагах. Писал очень долго, потом куда-то ходил, возвращался, потом снова писал. И вдруг спросил: «Сколько лет вы были знакомы с Анной Карловной?» Валентина ожидала вопроса о том, где они находились в момент убийства, и ответ у нее был готов. Абсолютно правдивый ответ. Но в таких местах твоя правда неминуемо подвергается сомнению, отчего покрывается коррозией неубедительности, и даже самый ровный и спокойный ответ выглядит жалким.

Тем более что момент, который требовал алиби, Вален-

тине точно известен не был. Она никому не звонила, ничего не уточняла. Просто знала, что они с сыном точно никого не убивали. Дикость! И даже думать о том, что такое подозрение возможно, – падать в вязкую яму безумия. Но спросили-то вроде как о другом. И Валентина начала старательно, как абитуриентка из провинции, рассказывать детали. Сын ее поправлял, она сбивалась и уже сама себе не верила. Но в целом картина сложилась: знакомство с ученицей Анны Карловны Ульяной, репетиторство Ульяны, которая спустя несколько месяцев передала Сашку самой «примадонне». Состоялась ужасная, изматывающая первая встреча и... дальше что-то около года еженедельного тренировочного восхождения на эшафот.

– Вы думаете, что мы ее убили, потому что она от Саши отказалась? – не выдержала Валентина. – Но ведь смысла не было, это убийство нам ничего не давало. Просто из мести пойти на такой риск? Это нелепо, так даже в сериалах не бывает...

– Тина! Перестань! – шикнул сын.

Следователь изобразил усталое компетентное дружелюбие.

– Вы пока ни в чем не обвиняетесь. Я собираю информацию.

– Откуда вы о нас узнали? У Анны Карловны было полно учеников... так сказать, действующих. Думаете, что у нее со всеми были безоблачные отношения?! Да это была сволочь,

каких мало! Ее вообще к детям нельзя было подпускать!

– Не обращайтесь внимания, мама очень больной человек! – ляпнул «защитник» Сашка. Трогательно и наивно: у нас болезнь не смягчающее, а отягчающее обстоятельство...

А Валентина ничего не могла с собой поделаться – если не вскрыть этот нарыв, то она начнет во всем обвинять живую и невредимую Ульяну, которая есть Карловна в миниатюре и к которой Валентина теперь питала спринтерскую, быстро сгораемую ненависть. Но что толку – у этой хваткой толстоногой девицы маленький ребенок, и наводить на нее тень подозрений подло. Даже если этот рязанский Аполлон в погонах показания Валентины в грош не ставит... Хотя ясно, что навела на Сашку Уля. Других ниточек нет. Спрашивается, зачем? Чтобы отвести подозрения от себя? Валентина хорошо помнила, как бесновалась Анна Карловна, когда узнала, что ее бойкая протезе берет за урок столько же, сколько она сама, великая наставница и ближайшая соратница самого Тревогина. Валентина никогда его не видела, но знала, что это корифей, обласканный признанием при жизни. Тина вообще опасно мало знала о музыкальной среде. Успела понять только общее для любой среды правило: если ты чужак, то доброго человека здесь можно встретить скорее по роковой случайности, словно змею в Ирландии. А большинство знают лишь один прием для чужаков – иголки безнадеги и тщеты под ногти. Дескать, все равно у тебя ничего не получится. На Валентину сначала действовало это примитивное, но

эффективное моральное давление на конкурента, она была плаксивой и хотела даже пойти к психотерапевту. В смысле – повеситься осторожно, понарошку, чтобы из петли вовремя вынули и поняли, как все у нее плохо. И помогли. Потом до нее года два доходило, насколько смехотворными кажутся ее проблемы генерально-серому большинству, в том числе предполагаемым благодетелям. Даже когда она оправдывалась отсутствием жилья и мужа. Позже она поняла и другое: владельцы четырехкомнатных просторов жалуются на житуху гораздо убедительнее бездомных. Поэтому именно им даются разные льготы и даже премии. А еще позже Валентина с ужасом осознала себя частью этой тщеславной немилосердной мясорубки: ведь она и сама куда охотнее поделилась бы монетами с чистым и несмердящим нищим. Который, отмойся он, по определению уже не нищий и способен заработать копейку...

В доме Облонских не просто все смешалось. Его давно снесли, а обитатели разбрелись по погибшим вишневым садам. Теперь они те самые нищие, которым брезгуешь подать мелочь. А если и подаешь, они клянут тебя за то, что дал мало.

Следователь-крепыш почти не обратил внимания на выпад Валентины в адрес несчастной жертвы. Он продолжал упорно писать. Это внешнее равнодушие казалось зловещим: вроде как молчит, но на ус намотал, да еще и строчит как проклятый. Все фиксирует, гад! Теперь на вопросы от-

вечал Сашка. Спокойно и односложно. И он оказался прав! Следователю это быстро надоело, он свернул лавочку, все с тем же пластиковым заученным дружелюбием попросил по возможности никуда не уезжать и распрощался.

Тина подумала: жаль, что уехать некуда, а то непременно бы! В голове у нее вертелись разные пугающие детективные клише про подписки о невыезде. Здесь ничего подписывать не пришлось, значит, они с Сашкой не основные подозреваемые. Но все равно кошмар непростительный! Ведь сыну надо учиться дальше, а он окажется замешанным в такой истории... Карловну в музыкальных кругах знают. Хотя если молчать про Сашкину неудачу с ней, то никто его и не свяжет с этой мрачной фигурой. Разве что Ульяна – донесла следователю и другим разболтает? Может, прийти к ней с открытым забралом и все выяснить... Силы небесные, не знает Тина других путей, просто не знает! Хотя, понятное дело, догадывается, что идти самой в пасть к зверю – поражение.

А у Сиреновой Маши, как назло, не отвечал телефон.

Маша... легкое, ни к чему не обязывающее, бодрящее приятельство. Прозвана Сиреновой за предпочитаемые тона в одежде и созвучную этому оттенку особенность быть одновременно и прохладно-легкой, и теплой в общении. Она преподавала в той же музыкальной школе, где работала Анна Карловна. Но ни на что не влияла. Светлые люди нынче совершенно не влиятельны. А когда было иначе? Только в ко-

роткие оттепели, которые заканчивались «николаевской реакцией». Из школьной истории Валентина помнила это клише, и оно было у нее на все случаи жизни.

Сиреневая Маша могла раздражать тем, что все у нее было легко. Дочка как-то сама отлично училась, триумфально везде поступала и божественно играла на скрипке. И пусть в этом будет примесь дружеского восторга – да черт с ним, когда вокруг всем нет дела до других, все ходят в ледяных шубах, как дырявые морозильники.

Валентине учеба сына давалась эпически противоположно. Но виноват в том не только Сашка – его мама не умела жить легко ни в чем, вопреки нынешним позитивистским мантрам, от которых в нутре першило. Что поделать, горький опыт! Чтобы вышла любая малость или удостоили словом добрым – нужен адов труд души и тела. Иначе не получалось. Однажды Тина запретила себе сравнивать себя с другими, у которых иной путь. Потому что одно расстройство от этих сравнений, а надо жить дальше. И сберечь свой единственный щедедушный родник радости. А то – пропасть, темнота, безумие...

Важно то, что от Машиной легкости был какой-то смутный магический толк. Она, сама того не ведая, умела ею заразить. Поговоришь с нею, и даже, бывало, разозлишься на ее словесные брабантские кружева, – а потом ужас начинает отступать и вроде пронесет от большой беды, которой опасался. Скажем, у Сашки телефон полдня глухо молчит, уже

и полночь... а с Сиреновой поговоришь, он и ответит вдруг. Пускай это суеверная деревенская магия, но имелись среди Валиных знакомых те, от кого эффект был обратный. Выбросить бы к бабе-яге с балкона это хламье и рухлядь, засоряющие немощный разум, но никак было не справиться с неопровержимостью наблюдений. Есть те, после кого тебе плохо, а есть те, после кого легчает.

Вернувшись, мать и сын разбрелись по разным углам дома. Хотя размах брожений в однокомнатном жилище невелик. Тина давно жила на кухне: работала, готовила, смотрела детективы, мечтала. Ее маленькое кухонное лежбище не давало ей совсем пасть духом. Здесь ей порой казалось, что реку жизни еще можно повернуть вспять. Хотя, если вздрогнуть-подумать – зачем?! Советские упыри и рек наломали, и судеб. Но Тина имела в виду совершенно другое. У нее была своя маленькая карманная вера, которую Ницше негодуяще заклеимил бы, но что ей до него... Валентина верила в нескораемое метафизическое «Я». Помня, как шарахались от метафизики ее бывшие сослуживцы, которые остались памятны триадой «Турция, шашлыки, целлюлит», она давно прекратила делиться с кем-нибудь своими крылатыми готическими бреднями. Усмехалась молча. Но в минуту особой тоски начинала составлять краткое изложение своей мини-религии. Вдруг пригодится на Страшном суде?

Итак, Валентина Михайловна, женщина безнадежно гуманитарных наклонностей, без постоянного места работы,

возрастной категории «сорок – сорок пять», в разводе, с главной вредной привычкой – чувством юмора, верила, что вся она не умрет. Читатели думают, что эта издохшая в позолоте пушкинская сентенция означает бессмертность гения. Возможно, но обыденные чаяния смертного здесь тоже притаились, а их почти два века никто не замечает. Тина заметила. И знала, что бездна возьмет в последний час не всю ее. Какая-то частица телесно-духовного свойства вернется в любимый Валентинин город юности и начнет жить здесь ровно с того момента, когда однажды покинула эти пределы. Начнет жить... с этого места подробнее. Легче, приятней. Когда-то Валя мечтала до последнего вздоха или крика прожить в том мнимо прекрасном, сыром, оттаявшем куске Атлантиды, со своими друзьями, большей частью астениками, хоббитами, психопатами. Трагически талантливыми и никому не нужными. Но именно она, Тина, должна была пройти по грязному льду безнадеги – и не провалиться, и отогреть чудиков бесстрашным подозрением в том, что они нужны миру.

Такая вот метафизика. Несгораемая, как часть суммы, которая остается тому, кто ошибся в игре на миллион. Это ведь несколько не глупее, чем верить в переселение душ и прочие телекинезы. Другое воплощение – это уже совершенно другой «ты», быть может, муравей или кит, и даже не своего пола, хотя на этом пути гендерные перемены не самый ошеломительный сюрприз. Но Тина не дружила с буддистской фи-

лософией. В ее системе все было гораздо примитивней: она оставалась сама собой, просто ее отбрасывало на двадцать с небольшим лет назад. И любимые люди те же! По возможности, конечно – ведь не все из них согласились жить в ее любимом городе. Она поэтому и уехала. Но со знанием того, что вернется, найдет этот «обрыв пленки» и начнет к ней монтировать фильм по новой. Сделает то, что ей предназначено. Это как на контрольной в школе решить свой вариант – и второй из интереса. Впрочем, Валентина начинала склоняться к мысли, что второй вариант ей важнее первого. Быть может, он научит той самой прохладной легкости...

Точнее, научил бы, не будь это все воспаленной сказкой, которой Тина сквозь слезы успокаивала саму себя. Просто трудный год, все навалилось, фантазии с психозами тут как тут... Не хочешь, чтобы заболело тело, – дай порезвиться психике. Боишься сойти с ума – недуг перетекает в физическую оболочку. Закон сохранения, чтоб ему пусто было!

На следующий день Валентина решила навеститься в Рахманиновку. В училище, где преподавала Карловна и куда сходились все дороги, потому что в это старинное и уютное учебное заведение готовился поступать Сашка. Точнее, он готовился, а его беспокойная родительница боялась. Поэтому была озабочена тем, где бы подстелить соломку нерадивому отроку. Запасных вариантов было пока немного. Точнее, не было совсем. А Рахманиновка казалась слишком трудным рубежом, куда поступают безупречно одаренные дети, зани-

мающиеся по пять часов в день. Саша был не из них, это ясно. И был еще один краеугольный момент: чтобы поступить, необходимо заручиться поддержкой здешнего преподавателя. У него же и заниматься. С Анной Карловной эта стратегия потерпела крах. Однако Сиреневая Маша совершила чудо – она сосватала Сашу другому учителю, молодому и дружелюбному, который совсем недавно пришел в Рахманиновку. Тина на Антона молилась! С ним Сашка перестал ненавидеть классику! И даже брался самостоятельно разбирать новые пьесы. Проклюнулся интерес, а не это ли главное достижение любого педагога, жемчужина его кропотливой и благородной каторги. Хороший учитель – это одержимость. Молодежь умеет это скрывать за кулисой юмора и кнута. Даже порой отрешивается от призвания, дескать, попреподаю недолго, а потом уйду в большую музыку насовсем! Но тот, кто умеет научить ребенка, не нанося увечий душе, – редкость. Осознать себя редкостью, которой на роду написан светлый труд без почестей, получается разве что в зрелости. Поэтому... встретишь хорошего учителя, старого ли, молодого, – кивни ему с благодарностью.

Чего хотела Тина, придя сюда, она и сама не могла бы сказать точно. Она собиралась действовать по ситуации, хотя бы ощутить саму атмосферу после ухода Карловны. Вдруг этот монстр, как он и сам о себе без стеснения констатировал, – лучший?! Воплощенный дух Рахманиновки. О да, трудно поверить, что Анна Карловна могла изречь о себе та-

кое. Инквизиция – вот было ее прозвище... Валентина очень боялась, что Сашка в пылу бунта не выдержит и проговорится прямо во время занятия. Но все разрешилось гораздо раньше. И проще. Однажды он проспал урок с Инквизицией. Сработал здоровый инстинкт самосохранения.

Погружаясь в недавние драмы, Валентина сомнамбулически поднималась на четвертый этаж. Она любила это старое здание, поющее в каждом закутке обрывками инструментальных настроек и проигрышей. Здесь все в итоге обращается в звук, все стремится к гармонии ансамбля. Хрупкие или упитанные, шумные или сосредоточенные, веселые или уставшие отроки – они все были с футлярами, со своими инструментами, с легким или тяжелым божеством, которое пусть временами и изнуряет, но ведь не предаст. И этот музыкальный бег вверх-вниз по неоклассической обшарпанной лестнице – он все извинял в этом несовершенном мире, он все облагораживал. Тина любила слушать, как играют дети. И малышня: все это белокологоточно-бантичное сестринство с взъерошенным непоседливым братством, уставшим ждать своей очереди. И подростки, пробующие свою инструментальную мощь... Валентина щедро жаловала и клавишные, и струнные, и духовые, и все эти детские спотыкачки и виртуозные взлеты, и волнения, и самозабвения, и любила самую атмосферу детских концертов, где рождалась материя для крыльев человеческих. А сейчас... она инстинктивно шла на пятый этаж, где Сашка занимался с Антоном. С уходом

Карловны в этой самой атмосфере, к которой Тина так жадно принюхивалась, совершенно ничего не изменилось. Это и понятно – траурные церемонии уже прошли, а памятный портрет в раме на почетном месте – не иначе поблизости от самого Рахманинова! – еще не повесили. Быть может, стало свободнее дышать? Вроде нет, хотя навскидку и не скажешь, чем пахнет свобода. Словом, обычный день музыкального училища, или, как теперь принято называть, колледжа. Валентина в раздумьях собралась сделать привал у широкого лестничного подоконника, медитативно поглазеть на улицу, но услышала, что ее окликнул знакомый голос. Уля?! Она же вроде давно окончила училище и не преподавала здесь...

– Валентина Николаевна! Что же вы ко мне не зашли?

Тина так растерялась, что даже не спросила о том, куда, собственно, она должна была заходить. Уля встретила ее с истерической ноткой истосковавшейся по скрипу саней затворницы. Какой-нибудь опальной княжны в сибирской ссылке. Дивны дела твои... Неужели смерть демонической учительницы так ее подкосила? Когда-то первое неприятное впечатление об этой юной особе Тина постаралась сгладить, острые углы срезать и смириться – ведь Сашке в тот момент предстоял подготовительный период с Улей. Свеженанятая наставница не преминула уведомить, что духовнику имеет смысл учиться только у Анны Карловны! Иного пути просто нет. Тогда Тина пропустила это мимо ушей. Но при встрече с самой великой Инквизицией она услышала куда

более превосходные степени. Впрочем, было бы чему удивляться: культ личности насаждает прежде всего сама личность. А мы, рохли, полагаем, что это влияние магнетической харизмы на массы. Оставьте этот анахронизм в прошлом веке: постмодерн узаконил топорную бронбойную саморекламу в лоб. Или просто самопровозглашенный абсолютизм.

– ...дело даже не только в том, что он плохо играет. Он не знает элементарных основ.

Валентина до смертного часа будет помнить это существо – Анну Карловну Тромб. Все в ней было узким и недобрым. Особенно голос. Это была очищенная от примесей мизантропия второй октавы.

– ...я попробую позаниматься с вашим сыном. Через месяц мне все станет ясно. Если я скажу, что ему не нужно играть, он должен будет из музыки уйти.

Валентина очнулась от иезуитских воспоминаний. Уля ее внезапно атаковала вопросом о Сашкиной судьбе. Это было весьма некстати, потому что открывать карты и рассказывать об Антоне-спасителе не хотелось. Казалось, любая утечка информации в сторону вражеского лагеря могла навредить. Сашке ли, Антону... И Валентина принялась торопливо уходить от ответа и переводить стрелки на другую тему. Дескать, пока все неясно, и даже говорить об этом не стоит, и – мать божья, какой кошмар-то! Анна Карловна! Как же так?! Да что же это... – и далее волнообразно, по экспонен-

те, не забывая выуживать крупницы информации. Уля вроде должна была сделать скорбное лицо. Но у нее получилось скорее раздраженно-нетерпеливое, как у тех, кто за тобой в очереди в кассу, а ты замешкался. Она не очень охотно рассказала, что Анна Карловна покинула этот мир несколько дней назад, ее нашли в сквере поздним вечером. Следов насилия не было, она, скорее всего, чем-то отравилась...

– Или была отравлена, – уточнила Валентина.

И кто ее за язык тянул... Уля насторожилась. Тина махнула рукой: иду ва-банк! И подробно рассказала о том, как их с Сашкой вызывали в полицию. И особенно о том, что никак не взять ей, простофиле, в толк, откуда же у органов правопорядка Сашин номер. Ведь наверняка Анна Карловна, царство ей небесное, сразу освободила память своего айфона от нерадивого ученика, который толком и учеником стать не успел.

– Я бы не стала делать категоричных предположений, – холодно возразила Ульяна. – Анна Карловна никогда не вычеркивала человека раньше времени и всегда старалась дать ему шанс...

– Неужели?!

Валентина была готова вырвать свой язык. А еще сына упрекает в несдержанности и неучтивости. Точнее, упрекает в том, что ей приходится выслушивать за него упреки. И поделом! Сначала надо научиться контролировать себя. Валентина залепетала длинные покаянные речи. Ах, они так

переживали, когда дражайшая Анна Карловна им отказала в своем наставничестве! Не берите в голову горькую обиду безутешной матери!

Этюд, похоже, затянулся, потому что Ульяна снова сделала злое нетерпеливое лицо. Вдруг Валентина заметила, что барышня очень похорошела с того момента, когда они виделись последний раз. Может, она влюбилась? Вредные и несимпатичные нам люди со злыми лицами тоже бывают влюблены, хотя и трудно с этим смириться.

И собственно, чего эта толстоногая бестия от нее ждала, когда окликнула?

– Если у вас еще есть планы поступить в Рахманиновку, Саша может мне позвонить завтра. У меня сейчас меняется расписание, и я сию минуту вам не могу сказать, по каким дням смогу с ним заниматься. Так что свяжитесь со мной сами.

Валентина не верила своим ушам: Ульяна предлагает свои услуги?! Но ведь мальчик не оправдал надежд Инквизиции и должен гореть на кострах вместе с ведьмами и еретиками. Мальчику был оглашен приговор, который, по мнению Карловны, обжалованию не подлежал. Или... раз Великая Инквизиторша дала дуба, грядет амнистия и карнавал? Ульяна предлагает второй шанс. Но как не вовремя! Теперь, когда у них есть Антон... Как уговорить Сашку вернуться к Уле? Если она теперь преподает в училище, то с ее цепкостью она быстро станет куда более влиятельной, чем чудный Антоша.

И ведь наверняка он поймет! Тем более что дополнительный ученик для него скорее обуза. Но отчего вдруг все развернулось к нам передом, а к лесу задом?!

Ульяна резко, с новой неувлимо повелительной нотой распрощалась. А Валентина в смятении побрела в сторону дома, потом застряла в магазине, не в силах сосредоточиться на простых вещах, вроде молока и репчатого лука.

Все это очень, очень странно... Или девушке просто нужны эти смешные деньги?

...Вот именно – странно! То, что эта женщина умерла именно здесь... рядом с Ларискиной квартирой, которая, конечно, по праву принадлежит Рите, дочке маэстро Тревогина. А погибшая – все знают, кто она. Может ли это быть простой случайностью? И Ритка, приехавшая навестить большую тетку, именно сейчас, как назло, куда-то исчезла.

Тетя Марина знала, что тот брак был обречен, но, конечно, молчала об этом. Разве Лариске что-то скажешь поперек? Хотя если она кого и слушала, то только старшую сестру, которая ее вырастила и заменила ей мать. И кто мог знать, что именно в этом браке Лариска, абортница-рецидивистка, произведет на свет своего единственного ребенка. Почуяла, шельма, что от талантливого мужика надо рожать. Ритуля вышла одаренной, этого не отнять. Но... красив цветок, да слаб стебелек.

Марина вздохнула и в который раз принялась набирать

номер телефона племянницы. Он по-прежнему молчал. Куда она пропала... А вдруг опять?!

Нет, только не это! Страшный наследственный недуг. Недостаток эндорфинов. Врожденная нехватка радости. Вычитав однажды байроническую причину алкоголизма и наркомании, тетя Марина встала на путь прощения. Многие годы она была от прощения далека – ведь так намучилась с младшей сестрой, что грешным делом ждала ее смерти! И Лариска это понимала в редкие минуты смирения. Нет-нет да шепнет кривым и насмешливым маленьким ртом: «Бедная тетя Марина». «Тетя» – потому что Марина для всех была тетей. Такой типаж: дающая теплоту и кров фигура второго плана. Обычно на ней все ездят. Родня, как стая коршунов, раздирает после ее кончины немудреное жильё... Но с жильем вышло иначе: Марина вынуждена была присматривать за квартирой после смерти сестры. Рита после похорон сказала:

– Мариночка, перебирайся сюда! Здесь и расположение, и метраж лучше. А твою продадим!

Но Марина все не решалась. Она была вопиюще старомодной и никак не могла приучить себя руководствоваться прежде всего выгодой. Марина ненавидела Ларискино логово, впитавшее в себя ее пьяные истерики и суициды. Не любила «сталинские» дома за их пропитанный убийством пафос и вздутые цены на квартиры. Ее отец едва не умер в тюрьме. Инженера, прокладывающего железные дороги в та-

ежной мерзлоте, посадили за то, что он умел вести хозяйство. Знал, как нанимать людей на каторжную работу в лютой глуши. Брал беглых, раскулаченных, без паспортов, платил двойную плату. Умел в тайге устроить целую ферму, чтобы кормить своих работников. И дело у него шло. В Сибири и Средней Азии до сих пор ездят по его дорогам. Но в благодарность государство впаяло ему срок за махинации. Его забирали из той самой квартиры, где потом бесновалась Лариска...

Спасло отца только то, что о нем, полуживом, вспомнила одна министерская шишка, когда застопорилось строительство дороги в Уссурийском крае. Специалистов такого плана было раз-два и обчелся. «А где же Филиппов? Сидит?! Надо похлопотать...»

Отец вернулся. А потом довольно быстро умерла матушка. Вот и осталась маленькая «тетя Марина» за главу семьи. Отец-то все время был в разъездах, в командировках... А после, когда обе сестры выросли, Марина ушла жить в бабушкину квартиру.

Ей казалось, что Рита-племянница понимает теткины квартирные фобии. Тоже ведь девушка с секретом. О, это интересная история! Пожалуй, их взаимная симпатия началась в раннем Риткином детстве, когда Марина в темные времена забирала девочку к себе. И они садились смотреть фигурное катание. Маленькую Риту завораживало это действие, она начинала в подражание спортсменам выделять

разные па. Так ведут себя почти все дети. А почти все взрослые лелеют мысль о том, что у ребенка талант. О фигурном катании речи быть не могло. Марина, бывало, пристраивала куда-нибудь племянницу – то в свой детский садик, где работала нянечкой и где были танцевальные занятия, то водила в студию при Доме культуры. Но когда Лариска отходила от запоя, она с ревнивыми воплями забирала ребенка отовсюду. Дескать, как посмели мое чадо без меня воспитывать?! И Ритуля опять была обречена на бездарное прозябание с угрюмой депрессивной матерью, которая желала оградить дочь от бурлений творческого начала. Рита должна была стать экономистом, бухгалтером, банковским служащим – словом, обрести надежную, хлебную профессию, которая дала бы ей возможность никогда не зависеть от мужчин. Все это назло Тревогину, который в первые годы после развода пытался учить девочку музыке. На любой его маневр в сторону дочери Лариска реагировала, как бешеная лиса. Тревогин в конце концов плюнул, даже приехал однажды к тете Марине с бутылкой тогда бытовавшего в моде «Амаретто» и разыгравшейся язвой. Он был мужиком неплохим, только больно вспыльчивым и упертым, как брянский пень. Сказал: «Марина, я умываю руки. Эта гадюка собралась вырастить себе подобного змееныша. Я могу только убить эту сволочь. Но садиться из-за нее в тюрьму я не хочу. Выбираю свою презренную жизнь. Деньги буду передавать тебе. Прошу тебя, не бросай мою дочь».

Эта мизансцена, даже украшенная пьяными слезами, повторялась не один раз.

Порой Марина заикалась о том, что вместо того, чтобы разыгрывать большой драмкружок, взял бы ребенка к себе. Ведь отец, имеет полное право! А Лариса, как состоящая на учете в психиатрической клинике, может запросто лишиться материнских прав, если приложить минимальные усилия. Но по зрелом размышлении стало понятно, почему Тревогин этого так и не сделал. У него появилась новая жена, она быстро родила ему новое чадо и не приветствовала отголосков роковых ошибок прошлого.

Марина взвалила на себя эту ношу – не дать вырастить змееныша. Она выполнила свою миссию. И даже ее усложнила.

Но музыкой Маргариту все же помучили. Она стала бояться папеньку едва ли не больше, чем мамашу-пьяницу. Удивительно, что Тревогин, как томно вещала Лариса на заре их короткого романа, был талантливейшим педагогом. Его обожали ученики – он умел донести главное, оставаясь другом, а не карательной силой. Но с родной дочерью превращался в демона. Что объяснимо, потому что от своего ребенка творческий перфекционист требует невозможного... Рита возвращалась измученная и со слезами умоляла больше не отводить ее к папе. Марина ломала голову, как быть. Ведь у девочки хватает горестей... Но если пьяная мать – неизбежное зло, то изнурительного отца все же можно было

избежать.

Что ж, Марина разрешила Рите не ходить. Точнее, ребенок почувал это внутреннее позволение – вслух тетка так и не решилась. Однако она никогда не сделала бы этого послабления, если бы чуяла, что музыка может стать будущим Маргариты. Но девочка с тайной и жаркой любовью мечтала о танцах. Коньки Марина не потянула. Купишь – а Лариска сметет все добрые намерения черным цунами. Но шло время, Рита взрослела. И сама стала искать тропинки к заветным высотам. Ведь чем сильнее сопротивление, тем мощнее триумф воли, *n'est pas?*

И что же вышло? А то, что Ритуля стала первой солисткой в школьной студии. Причем с явными способностями к хореографии, весьма раздражавшими худрука, бодрую художавую бестию с выжженным пергидрольным начесом и манерой натягивать пальцем раскосый глаз, якобы щурясь и присматриваясь. Но с бестией Рита нашла компромисс: она с виноватым видом приходила в неурочное время и предлагала свои эскизы движений и замыслы концертных номеров. Худрук что-то отвергала, а что-то принимала, и авторство как-то само собой оставалось за ней. Вроде как она проходила рукой мастера по буйству малолетней фантазии...

Рита довольствовалась и этим. Ей было важнее постигать мастерство, а не почивать на лаврах. Современный танец в наших широтах отнюдь не расцветал – да и много ли его адептов ныне? Рита наполнялась неофитским энтузиазмом

и была готова отрабатывать сложные фигуры день и ночь.

Скоро сказка сказывается, а жизнь проходит еще быстрее. Лариса опять вышла замуж. Теперь она выходила только по любви – по любви ее мужей расположиться на чужой жилплощади. Не каждый ее избранник прикладывался к бутылке, но Рита на дух не переносила всех. С той поры она плотно поселилась у тети Марины. В школу ездила на троллейбусе, дорога была очень долгой, зато можно было никого не бояться. После папиного музыкального террора она явно побаивалась мужчин в доме. Да и вообще была нежная, доверчивая, совсем не публичная. Марина, мало что понимавшая в contemporary dance, знала одно: с таким характером быть на сцене – нонсенс. И где, простите, локти, которыми расталкивать конкурентов... Локтей не было, но был дар преображения. И глаз горел. Правда, более ничего – ни хватки, ни проекций, ни умения манипулировать. Училась Рита так себе. Окончила школу, устремленная к энергичной модернизированной Терпсихоре.

У нее были основания надеяться. Школьная танцевальная студия к тому моменту взлетела до статуса модного коллектива. Пока в узких кругах, но она стремительно набирала обороты. Рита начала ездить на гастроли. В том числе заграничные.

Тревогин с дочкой не виделся годами. Папенька объявил танцы «хореографическим бл... ством». Негодовал и обличал. Теперь виновата уже была тетя Марина, допустившая

скользкий путь и моральное падение юного дарования. До Риты раскаты грома не дошли – она была в Баварии, танцевала, кроме прочего, в настоящих замках. Марина решила плюнуть на отсутствие у племянницы серьезного образования. «Поступит на народное отделение в музучилище», – рассуждала она сама с собой, когда вязала пинетки на продажу. Была у нее такая грошовая отдушина...

А потом вылезла на свет эта паскудная адюльтерная история! Тревогин сердечно-сосудисто слег. Рита пошла его навестить. Отец попросил ее сбежать к своей ученице – та раздобыла редкое лекарство. Именно в этот злополучный момент Ритка познакомилась с мужем Анны Карловны. И понеслась душа в рай!

– Анна Тромб моя лучшая ученица! Уважаемый человек, достойная семья!!! – сипел едва выкарабкивавшийся из криза Тревогин. – А моя дочь, видимо, обыкновенная проститутка.

После того вечера разоблачений Марина заработала нервный тик. Больше всего ее пугала фамилия Тромб. Просто до дрожи.

Сашка встал на дыбы. Он наотрез отказался возвращаться к «бобрехе Уле». «Буду учиться только у Антона! Идите лесом!» Разъяснять, умолять, взывать к разуму и милосердию было бесполезно. Да и не получалось в полную силу, ибо внутренне Тина чувствовала его правоту. Не держит он

нос по ветру в поиске самых теплых местечек под солнцем. Стратегических подводных течений не чувствует. Что ж, мамаша сама его таким воспитала. А железобетонное упрямство – это его личный вклад в собственный характер.

Будешь давить – он вообще откажется учиться.

Впрочем, если начистоту, то на Сашкином месте любой не стал бы возвращаться к «бобрехе». Тина, отступив, металась по кухне, в мрачных размышлениях, что может за собой повлечь отказ Ульяне. Ведь в этих творческих кругах, где все так хрупко, мнительно, злопамятно, каждый шаг может быть истолкован не в твою пользу. Сказать, что Саша раздумал заниматься музыкой или что готовится в другое училище? А потом, как кролик из шляпы, объявиться на вступительных экзаменах в Рахманиновке... Да что там, на экзаменах, – ведь рано или поздно Саша с ней столкнется, когда будет заниматься с Антоном. Или на самом деле Уле начхать на всех Саш, вместе взятых?!

И только сейчас до Валентины дошло, что она не спросила у новоявленной метрессы самое главное. Надо было четко убедиться в том, что Ульяна теперь официально работает в Рахманиновке. До этого она репетиторствовала у себя дома и подрабатывала в ресторане. Всерьез о педагогической карьере не помышляла, разве в качестве временного заработка. Может, она теперь вместо Карловны? Это к вопросу, кому выгодно...

Ближе к полуночи телефон тихо заблеял – Тина давно уже

привыкла уменьшать громкость звонка. Не услышит кого, пропустит – оно и к лучшему. Перевелись в мире хорошие вести. Звонят все больше, чтобы доставить тебе неприятности. Или поговорить о себе. Тина давно отравлена чужими жизнями. Но сейчас звонила Машенька, что само по себе нонсенс. Сиреневая Маша никогда не тревожила поздно. Она соблюдала чужие границы...

– Это свинская бесцеремонность, я понимаю! Но у нас потерялась Варя! Можно я зайду к тебе? На полчаса.

Матерь божья, что все это значит?! Как потерялась?! Тина на нервной почве раз пятнадцать заглянула в холодильник в надежде запустить принцип самообранки, но там, как всегда, было не то, что хочется. Этого, допустим, хотелось вчера или вдруг захочется через неделю, но вот именно сейчас пришлось привыкать к несовпадению, как пелось в доброй экзистенциальной песне. Сиротливая кучка постаревшего жаркого в казанке с натяжкой тянула на порцию для голодного человека. Бывают такие, что вечно отпираются от простой здоровой пищи... Вошедшая Маша на вопрос о еде задала встречный:

– А коньякас «Араратас» у тебя от того алкоголика еще остался?

И Тина поняла, что дно кошмара мы еще по-прежнему не достигли.

– Ну что с Варей?! Где она? Ты в полицию обращалась?

– Слава богу, она уже дома. Но что мы пережили!

«Коньякас „Араратас“» был их дежурной шуткой. У Тины был друг. В общем, он, конечно, имеет заслуги перед Отечеством в лице матери-одиночки Валентины и ее отпрыска, но главное дело его жизни – выпивать и закусывать. Валентина однажды съездила с ним галопом по Европам в его машине. Путешествие едва не стоило ей жизни. А начиналось оно в безмятежной уютной Прибалтике. Сначала был ночной Таллин, все эти сказочные Нигулисте и Олевисте, потом ехали по аккуратной цветущей Латвии, где непуганые кролики и аисты, потом по приветливой Литве, где коровы. И благодарные кошки, которые старательно вылизут за тобой банку с остатками тушеночьего жира. Это вам не зажавшиеся коты на искусственных кормах. Друг Тины разомлел и запил. Не обязательно пить с горя или от безысходности. От эйфории и блаженства гораздо приятнее. И веселая продавщица в маленьком лабазе исправно перечисляла похмельному путнику алкогольный ассортимент, который венчал «коньякас „Араратас“»... И правильно, кто такую дороговизну здесь купит, кроме заезжего уральского джигита.

С тех пор у Тины водился в заначке коньякас. Друг-алкоголикас оставлял, зная, что подруга сама не пьет, бутылка у нее уцелеет и можно к ней награться когда угодно, о покупке спиртного не заботясь. Короче, и выпить даст, и закусить. Удобная женщина.

Звонок, открытая дверь, Сиреневая Маша с подтеками туши, и кажется, что тушь текла везде, и сверху, и снизу, по-

тому что темной дождливой осенью выйти в белых брюках и розовом пончо – это казалось таинственным протестом против однажды заведенного миропорядка.

– Варю допрашивали. Она думает, что знает, кто убийца. Но говорит, что не скажет. Потому что она влюбилась. Я постирала все брюки, кроме белых. Они были чистые. Я думала, что сегодня не выйду на улицу. Я внутри словно мертвая медуза!

– Медузы бессмертны.

Информация шла очень плотным потоком, минуя связующие звенья, потому воспринять логику событий было сложно. Тина пыталась ухаживать за гостьей, даже предложила свои, по размеру должны подойти, брюки, пока белые будет стирать безропотная стиральная машина, но Маша не слушала ее совершенно. Она не стала есть и даже выпивать. Она оказалась абсолютно несостоятельным алкоголиком и могла говорить только о том, что Варя влюбилась в парня, который замешан в криминальной истории. И быть может, он даже сам и убил Анну Карловну. А Варя его теперь покрывает.

Как начал свой роман один милый шизоид из дружеского круга Тины:

«Наступил Шекспир...»

Часам к трем ночи Валентина распутала клубок происшедшего, насколько это было возможно. У Вари роман, о котором она до поры до времени помалкивала. Оно и понятно, ведь мальчик, так сказать, не ее круга. Гастарбайтер. «Та-

джик?» – осторожно удивилась Тина. «Нет, русский. Все думают, что, раз приезжий и на стройке работает, значит, Средняя Азия или Кавказ. Но, между прочим, в этих бригадах и русские парни встречаются», – с едва уловимой обидой неясно на что пояснила Маша.

По правде сказать, Варя – когда родители устроили ей допрос с пристрастием – со слезами призналась, что Тёма в следующем году собирается поступать в Щепку... или Шуку? «Но вы же все равно не поверите, какая разница, зачем вам рассказывать!» – рыдал ребенок. Материнское сердце дрогнуло, отцовское – нет.

Итак, досье начинало понемногу проясняться. Молодой человек, мечтающий о сцене, приехал в большой дикий город и пока делает ремонты в квартирах. Временно живет в одной из этих квартир, которая находится рядом с тем местом, где обнаружили тело Анны Карловны. И Варя в ту ночь была с ним в этой злополучной квартире. Точнее, это был вечер. Вечер, когда голубки ворковали, а к ним ворвалась совершенно чужая птица. Просто открыла дверь своим ключом и вошла! Варя видела непрошеную гостью мельком и совсем не запомнила. А Тёма с ней перекинулся двумя словами. Гостья – хотя она как раз была хозяйкой, точнее, одной из них, – поспешила ретироваться, чтобы не мешать. Деликатная представительница вымирающего вида интеллигентов. Но когда она ушла, Тёма вспомнил, что должен был ее о чем-то спросить. И побежал за ней. Но увидел, что она зашла

в кафе, которое располагалось рядом с квартирой. И махнул рукой...

– Почему же он не мог ей просто позвонить? – поинтересовалась Тина.

– Тут некоторая путаница. Это была не та хозяйка, которая являлась непосредственным работодателем Тёмы, а та, что здесь прописана и наследует. Но живет где-то не здесь. В другом городе. Какая-то с ней беда. Ее телефона у рабочих нет. Тёма и его бригада имеют дело с ее родственницей. Которая однажды обронила, что хорошо бы у той, *второй*, узнать, какие она хочет обои... Но все это оказалось чистой гипотетикой! Видно, по-настоящему никакие обои загадочную *вторую* не интересовали. Есть такие, не от мира сего, они терпеть не могут мелкие и мусорные земные перемены. От того готовы всю жизнь прожить среди осыпающихся энтропийных стен, с текущими кранами и щербатыми полами – лишь бы никто не нарушал мелодию их внутреннего ритма грязью, вонью, грохотом перфораторов и всем содомом, что приносит нам ремонт.

И почему-то Тёма подозревал, что убийца – вот эта *вторая*, со своим ритмом и энтропией, если хотите. Причины его подозрений он скрывал от всех. Даже от Вари. Говорил, что так она в безопасности.

– Заботливый! – вставила Тина. – Хотя это скорее не утешение, а источник страшных догадок.

– Вот именно! – воскликнула Маша, отодвинув остывший

чай.

– Так, может, все-таки по граммульке?

– Нет, погоди, мне так муторно, что я даже дышу с трудом. Не могу понять, что это все значит! Получается, Варя вляпалась в какой-то криминал? И заметь, засветилась! Она же была с этим Тёмой-оболтусом, когда к нему пришла полиция... И зачем он открыл им дверь?!

– Между прочим, я все жажду тебе рассказать, что мы тоже не обойдены вниманием правоохранительных органов! Может, это просто такое ретивое расследование...

– С чего вдруг?! – возмутилась Маша. – Анна Карловна у нас что, министр внутренних дел? Обыкновенная мегера, каких тысячи...

– Все же не обыкновенная, а выдающаяся! – не удержалась Тина. – Может, она потому была такой самодуршей, что чувствовала свою безнаказанность. А безнаказанность была основана на связях с влиятельными структурами.

– Мать, ну ты накрутила! Давай, пожалуйста, свою граммульку, а я тебе расскажу, на чем была основана ее безнаказанность. Не на связях, а на чужой свободе. Да, именно так! На творческой свободе ее учителя Тревогина и его банды. Куда, между прочим, входит и Антоша. Мощная банда единомышленников – что может быть лучше для нашего брата музыканта! Я хоть не работала никогда в Рахманиновке, но примерно в курсе, благодаря моим ребятам из нашей музыкалки, которые там учились. Итак, вкратце: есть маэстро Трево-

гин, который руководит в училище целым отделением. Рахманиновка – заведение строго классическое, а маэстро давно хотелось новых ритмов и стилей. Прежде всего джаза, причем самых разных его направлений. Одним словом, Тревогин жаждал быть творцом, а не только безукоризненным исполнителем. Ты скажешь, кто ж этого не хочет! Однако путь к желаемому тернист, и не каждый по нему пойдет. До поры до времени Тревогин искал связи и площадки, на которых бы мог осуществлять свои проекты. А когда он стал начальником и получил в руки некоторые рычаги, то начал консолидировать вокруг себя молодые прогрессивные силы, которые стали задавать тон в современных музыкальных направлениях. При этом он всегда находится на острие синтеза классики и современных течений, и это придает ему особый шарм. И что интересно: формально он руководит отделением, а на деле выбил для своих единомышленников класс импровизации и занимается только им.

– Тогда объясни мне, простофиле, как, имея столь вольнолюбивые намерения, можно было пригреть на груди такую змею... царство ей небесное, хотя и не уверена в искренности сего пожелания.

– Именно эти намерения и дали Тревогину основание приблизить к себе Инквизицию. Потому что пока он занимается бурным творческим поиском, кто-то же должен следить за порядком и блюсти безупречную репутацию заведения. Тревогин не из тех, кто будет держать всех в кулаке

и быть оплотом дисциплины. Тут надо уметь нагнать жути, чтобы юным раздолбаям студентам хоть немножко было боязно. Рывкнуть, метать гром и молнии маэстро может, но потом быстро отойдет. И пойдет на попятную, даст слабину... И вот уже всех потянуло на джаз, а кто же будет Пятую симфонию играть? Словом, Тревога, как его называли студенты, быстро смекнул, что Анну Карловну надо назначить правой рукой, попутно внушив ей, что это приз за ее музыкальные, а вовсе не за административные заслуги. Для того чтобы дело шло, надо периодически щекотать у соратников амбиции. Даже у таких, по-немецки бесперебойных, как Анна Карловна.

– Так вот откуда ее самомнение! Этого Франкенштейна взрастил сам маэстро... – вздохнула Тина, которая и теперь побаивалась говорить об этой странной особе. Вдруг ее душа не нашла покоя и все слышит...

– Маэстро взрастил, хотя она и сама, конечно, постаралась. Но зато под этим прикрытием столько хорошего родилось... Один Яша с его проектом симфо-джазового саундтрека к неммым фильмам чего стоит! Я была бы счастлива, если бы Варя тоже участвовала в тревогинских затеях. Но как видишь, ей пока не до этого...

И Сиреневая Маша опрокинула в себя коньячные остатки, морщась и передергиваясь от омерзения.

– Антон, говоришь, тоже из этой тревогинской плеяды?

– Да. Но понимаешь, это я тебе вскользь обо всем рас-

сказала. А на самом деле все далеко не так просто. Интриги толстым слоем! Естественно, Тревогин своих умеет всегда отмазать или выгородить. Например, студент отыграл в его программе – а обязательку, например, выучил плохо. А зачет на носу. И сдавать его не кому иному, как Инквизиции! Были случаи, что маэстро давал отмашку зачет поставить, а для его реальной сдачи давал отсрочку. Естественно, Карловну это злило! И она начинала вставлять палки в колеса тревогинским корифеям – и студентам, и преподавательскому молодняку. К тому же она вокруг себя тоже вращивала свою мафию. Я вот о чем подумала: ведь Тревогину, пожалуй, выгодна смерть Карловны. Он уже на такой высоте, что ему никакие нападки руководства не страшны. А Тромб... уже не помогала ему и не прикрывала, а тормозила.

– Насчет мафии – это, пожалуй, в точку. И Ульяна, смотрю, уже в Рахманиновку пристроилась.

И Тина рассказала о своем неожиданном randevу и столь же внезапном выгодном предложении. Маша встрепенулась и озадачилась. Выдержав в полном смысле мейерхольдовскую паузу, она нерешительно пробормотала:

– Ты знаешь, а здесь, похоже, Саша прав. Пускай продолжает заниматься с Антоном. Не нравится мне это внезапное расположение. Как бы она чего плохого не задумала... какую-нибудь подставу!

– Какую?!

– Знала бы я все места, куда надо подстелить соломку,

здесь бы не сидела...

– А расскажи мне поподробней, как была убита Карловна. Ты все же ближе к этой истории, чем я.

– Не собираешься ли ты заняться расследованием? – усмехнулась Маша. – Увы, я не знаю никаких подробностей. Кроме тех, что поведала тебе наша активистка Уля. Да что говорить, девочка подсуетилась. Но я думаю, вопрос о ее преподавании в Рахманиновке был решен задолго до смерти Карловны. Вряд ли Тревогин настолько благоволит к Ульяне, что моментально принял ее на место своей неизменной «правой руки». Уля из другого лагеря. Что до подробностей о смерти, то знаю, что мадам Тромб нашли в сквере, в котором работает укромное кафе. Может, ее отравили именно там? Хотя почему отравили?! Насколько я знаю, никто не объявлял официально о том, что смерть была насильственной. Даже органы пока просто ведут дознание. Версию убийства активно разрабатываем только мы с тобой, две бабы на кухне, – потому что поверили тайне какого-то юнца! Но даже если предположить, что Карловна – жертва чьего-то убийственного замысла, то... Как, например, она успела выйти из кафе на своих двоих?! Получается, яд был не мгновенный? Что можно подсыпать человеку, чтобы он умер не сразу?

– Понятия не имею! Спроси у Екатерины Медичи. Меня больше интересует, кто же на такое решился. И зачем? Кому настолько мешала Инквизиция, извиняюсь за неуместный каламбур...

– Валяйся теперь в ногах у Вариного дружка, чтобы узнать хоть что-то. Хотя... Господи, вот я идиотка! Только сейчас поняла, что, раз Тёма в курсе, кто убил, он, по крайней мере, видел убийцу и жертву примерно в одно и то же время. А для этого ему кто-то должен был объяснить... иными словами, установить личность жертвы. То есть если он, допустим, видел то, что таинственная владелица его квартиры и Анна Карловна встретились у кафе и вошли туда вместе, то он должен знать... погоди, я совсем запуталась!

– Что тебя смущает? – удивилась Тина. – Полиция показала Тёме фотографию Карловны, и он узнал в ней женщину, с которой встречалась его хозяйка. Вот и все!

– Видимо, у меня помешательство! Я все время боюсь, что Варя стала свидетелем преступления и ее жизнь теперь в опасности. И Тёму этого злополучного угораздило поселиться рядом с местом преступления...

– Послушай, я понимаю твой мандраж на все сто, но ведь это вечная тема барышни и хулигана! А насчет его неудачного места жительства... Кстати, где они познакомились?

– Варька говорит, что на Арбате. Тёма, видите ли, уличный танцор диско. Смех на палке! Тоже мне, гуттаперчевый мальчик.

– А что такого?

Под утро, в сгущенную влажную тьму, Сиреневая Маша отбыла домой на такси. Сколько ее Тина ни упрашивала остаться переночевать, гостя осталась непреклонной. При-

корнув часа на два, прямо на кухонном кресле, чтобы не размогло в теплой постели, Тина смотрела сумбурные короткометражные сны о танцующем на улице Антоне и Варе, которая задумчиво восседала на рыжей лошади, въезжающей в средневековый Таллин...

Утром, перед тем как пойти в школу, смурной Сашка поведал внезапно свою версию преступления. Однажды Инквизиция, подвергая его нерадивость остракизму, привела в пример своего брата, которого в детстве тоже учили музыке, но он сумел вырваться из-под гнета родительского диктата, посвятив себя врачебному делу.

– Короче, эта ведьма советовала мне присматриваться к другим ремеслам. Типа в музыке мне нечего делать. Может, ее накормил до смерти кто-то, кому она посоветовала стать поваром? А вообще в том районе, где ее грохнули, она жила когда-то давно. В детстве, что ли... Случайно мне сама сказала, не помню зачем. Наверняка ее родня зажмурила.

Тина спросонья пропускала материнский ритуал осуждения жаргонной лексики. Она внезапно пожалела «ведьму». Прийти туда, где родился, – и умереть. Замкнулся жизни круг...

– Почему ты решил, что убийца я?

Рите стоило больших усилий оставить вопрос скупой лаконичным. Ее захлестывали гнев, обида, ужас. Хотя эти внутренние бури давно превратились в тихую душную силу, кото-

рая незаметно перекрывала все счастливые артерии. Но выплескивать черноту сейчас смерти подобно. Опыт показывает, что нет разрядки в прямом конфликте. Чтобы освободиться от кошмара, надо просто вырасти из него, сделав еще один шаг к просветленности.

Они сидели там, где заканчивалось время. Точнее, оно, как и пространство, становилось качественно иной субстанцией, которую ощущает своим шестым чувством лишь тот, кто едет в поезде. Это была Богом забытая станция среди леса. Похоже, что это была тщетная конспирация, но Тёма на ней настоял. «Боишься?» – спросила Рита. «Не за себя». Как благородно!

От того, что он говорил, накатывало знакомое бессилие. Так всегда, когда пытаешься объяснить очевидное.

– Ты вошла в то кафе, название не помню. На слова у меня память плохая, а на лица – железная! И я видел, что у окна сидела та женщина, которая потом умерла неподалеку, в сквере. Ты же знаешь, если я один раз лицо увижу даже при минимальном освещении, то запомню на всю жизнь. К тому же ее запомнить было нетрудно. Одно слово – Инквизиция. Ее, наверное, били в детстве. Она злая и несчастная женщина, у которой давно не было любви.

– Спасибо за ценные замечания. Мне они, конечно, очень пригодятся, когда меня задержат по подозрению в убийстве, которого я не совершала. – Рита начинала тоскливо злиться, но собрала последние силы в комок, чтобы сохранить ров-

ный тон бессмысленного разговора. – Тёмочка, ну почему же ты такой болван... Если мы с Карловной оказались в одном кафе, то почему обязательно убила я?! Почему тебе не приходит в голову, что в этом заведении могли находиться другие люди?!

– Рита, я же тебя не осуждаю. Я на твоей стороне. Я никогда не скажу полиции, что видел тебя там. Просто я случайно проговорился Соне, но она будет молчать. И вообще кто ей поверит?! Просто я сделал вывод о том, что ты... можешь быть причастна, потому что через окно мельком заметил, что ты разговаривала с будущей жертвой! Именно поэтому я и не стал вступать. И потом... так вышло, что тетя Марина мне все рассказала. О том, какую роль сыграла Карловна в твоей жизни. У тебя был мотив. На кого мне еще в этом кафе думать? И так как ран на теле жертвы не нашли, значит, это не могло быть убийство с целью ограбления, которое совершает случайный прохожий.

...Господи, зачем я пустила в жизнь этого джокера! Зачем я пришла тем вечером в свой холодный дом? Я, как и тетя Марина, не хочу в нем жить. А продать его страшно. Словно тогда уже точно детство безвозвратно канет во вселенскую пасть прошлого. В огромную океанскую воронку тоски. Я должна буду научиться равнодушно проходить мимо себя, плачущей, дрожащей от страха, восьмилетней... – ведь в этом доме навсегда отпечатались слеп-

ки моего детского ужаса. И призрак меня-ребенка не покинет это место. Которое отныне будет принадлежать чужакам. Мне дадут за него уйму денег. Которые я все равно ухну в какое-нибудь шоу. И оно прогорит. Такая знакомая история... Сюжет для мюзикла. Но в этом бездушном мире мой Я-ребенок по-прежнему ходовой товар.

Они пили остывший кофе, который Тёма привез с вокзала. И ели пончики. Джентльменский набор бывшего милого дружка. Чтобы заинтересовать публику, начало должно быть немножко банальным. Но с обещанием неожиданного и даже возвышенного финала. Впрочем, обещание выполнять необязательно.

Это знакомство случилось, когда Риту в очередной раз понесло во все тяжкие. Ее всегда несло, когда случались поворотные события в ее жизни. С годами эти срывы очень сильно пахли перегаром и отвращением к самой себе, и ей бы однажды не выкарабкаться, но ее спасала давно и навеки данная самой себе индульгенция: во всем виновата не я, а маменькина страшная наследственность. Как только в фокусе сознания наводилась резкость, Рита бодро крыла проклятиями родительницу и начинала возрождаться из пепла. Алкоголь – это чаще всего навязанная тебе вина. Отправь эту вину по обратному адресу – и начинай исцеляться.

Процесс, однако, небыстрый. Шаг вперед и два назад. Рита срывалась и начинала все заново. Первый раз это случи-

лось, когда школьная танцевальная студия, так мощно расправившая крылья, вместо того чтобы взлететь еще выше, стала модельным агентством. Этот бизнес оказался выгоднее. Рита впервые задала себе вопрос «кто же ты теперь?». Без работы, без образования, без связей и покровителей. Ей вроде как честно предлагали остаться в новом статусе, но само слово «модель» смешило. Тетя Марина увещевала поступить в училище на народный танец, который всегда будет кусочек-хлеба-дающим, потому что Дни города и прочие государственные праздники будут всегда, а народников любят пенсионеры, которые тоже будут всегда. Рита плакала – ведь у нее было столько нереализованных замыслов! Марина тщила побить челом папаше Тревогину, чтобы он где-нибудь замолвил словечко, но тут племяшка взвыла. Унижаться перед самодуром, который ее проклял? Ни за что. И Рита истерично уехала в другой город, в котором, как ей казалось, любить легче. Потому что у Мандельштама там звучали «голоса» дружественных мертвецов.

Все ее мотивы были антитезой привычной логике. В те годы рабочий люд хлынул в столицу. А Рита, наоборот, рванула оттуда, хотя чувствовала там себя относительно благополучной. Но разве в том была ее цель!

В городе, который не был дан ей по праву рождения, было хорошо и больно. Свободно. Он, плывущий и летящий, дает своим птенцам мастер-класс по одиночеству. И одновременно знает, что для талантливого человека чудо – необ-

ходимость. Временами он угощал Риту чудесами. Он любил ее, разорвавшую плаценту предложенного конформизма. Во что она только не ввязывалась! Сколотила танцевальную труппу в доме для престарелых. Танцевала партию селезенки в мини-балете на торжественном открытии симпозиума врачей-гематологов. Организовала акцию уличного фокстрота на открытии антикварного магазина. Много лет спустя она увидела, что одну из ее идей использует группа уличных танцоров. Так она познакомилась с Тёмой. К этому моменту за ее спиной была работа в двух театрах, создание своей шоу-труппы, съемки в рекламе и кино. И бесчисленные потери, и внезапные находки. Романы, о которых она вспоминала со смесью стыда и благодарности. Наверное, эта была самая привычная для Риты смесь эмоций, не считая эйфории вдохновения, которая порождала свой главный побочный эффект – бесконечную влюбленность. Замкнутый круг! Именно влюбленность без пауз мешала Рите оказаться замужем, в семейном кругу... А ведь она с детских лет пребывала в иллюзии, что эти этапы жизни наступают сами собой, как половое созревание или появление морщин, без твоего активного участия. Просто от самого процесса жизни. Однажды – раз! – и у тебя появились дети. Но на деле сами собой приходят одни неприятности.

Тёма-джокер – это просто случайная связь в один из загульных приездов в столицу. Но именно из-за того, что мозги в тот период были одурманены, Рите совершенно не запом-

нилась хронология событий. В сухом остатке память преподносила ей только веселое уличное знакомство, потом быстрая любовь в чьей-то незнакомой хате – артистических приятелей у Риты хватало! – потом все путается. Важно, что у Риты возник замысел номера с печальным клоуном-джокером в духе романа Генриха Бёлля – и она отправилась договариваться о площадке в один клуб, где недавно сменился директор. Следовало убедиться, что новая метла не сметет авантажные замыслы в мусорную корзину. Новой метлой оказался... неверный муж Карловны Микки. Так его прозвали в тусовке за сходство с Микки Рурком.

Рите в тот момент было море по колено, и она совершенно не собиралась тушеваться за прошлые грехи. Как ни в чем не бывало она несколькими профессиональными штрихами обрисовала концертный номер, который разбавит музыкальную программу и придаст клубу статус модного местечка. На кураже Рита умела тонко и непринужденно набить цену. Постаревший, но не утративший порочного шарма Микки уважительно обалдел от напора. Риту и саму штормило не столько от алкогольных паров, сколько от собственной наглости, но она любила этот адреналин. Адреналин обострял яркость восприятия, поэтому Рита кое-что заметила... И это кое-что всплыло в памяти в жуткий вечерок убийства Карловны.

Бизнес-планы с Микки оказались сущей фикцией. То ли по зрелом размышлении он испугался бывшей любовницы,

то ли не хватало средств на обновление сценического пространства, то ли еще какие интриги. Рита уже и забыла о своей задумке, но снова объявился невостребованный Джокер. Ждал, бедолага, своего первого выхода на сцену. Рита уже в тот момент уехала из столицы и хотела по-быстрому отбрехаться, но вспомнила, что фактура, харизма и пластика у парня что надо, а людей надо беречь, вопреки царящему свинству. В результате Тёма был рекомендован Марине как мастер квартирных ремонтов. Ведь он и так подвизался на каких-то стройках, где ему вечно недоплачивали, так пусть перекантуется у порядочных людей. Осторожная Марина не слишком загружала юнца и его дружков работой – боялась, что от их ремонта станет только хуже! Однако само то, что Тёма имел бесплатную крышу над головой и временами даже харчи с Марининого стола, было для «джокера» большим подспорьем.

А Риту закрутило в очередном проекте, и она на какое-то время благополучно забыла о своем протеже. Пока Марина не приболела. Точнее, не столько приболела, сколько затосковала. Как было не съездить, не потетешкать тетку, которая и не тетка вовсе, а любимая матушка по жизни. И память девичья сыграла с Ритой злую шутку. Как всегда, по приезде – когда не в загул, а чинно – Рита поселилась в маленькой и уютной Марининой-бабулиной квартирке и погрузилась в воспоминания. Состояние это, тревожное и нелюбимое, с годами переносилось все большее, и поэтому Рита старалась

улучать моменты и высказывать на воздух. Бродить, сбрасывать депрессу. Однажды подумала: пока Марина немощная, надо хотя бы взглянуть, что происходит в мамашинем темном гнезде. Что там рабочие творят. Ведь никакого за ними надзора! Рита-тетеря забыла, что сама подселила туда Тёму. И когда открыла дверь, намереваясь застать содом и гоморру, увидела знакомую большеглазую небритость и подружку-одуванчика. Скрипачка! Консерваторка! Как пелось в смешной ариозке из «Трех мушкетеров», есть тяга к благородному у «девушки простой»... Словом, немая сцена удалась.

А через секунду Рите стало мучительно неловко: ведь выглядело ее нечаянное вторжение двусмысленно, словно отвергнутая ревнивая дамочка решила поймать на измене молодого жиголо. И она поспешила ретироваться. Спинным мозгом чуя погоню, она забежала в кафе и попала как кур в ощи́п. И вышел сумбур вместо музыки.

Очаровательно лишь то, какую нелепую сказку про обои придумал молодой балбес для своей Сонечки.

– Так, может быть, расскажешь, как все было? – робко нарушил долгую паузу гастарбайтер Ромео. – И придумаем, что делать. Полиция уже идет по твоим следам, раз уж она пришла в твою квартиру...

– То есть ты хочешь, чтобы она поскорее меня нашла и правосудие свершилось, – усмехнулась Рита. Она уже начала понемногу успокаиваться. Главное – чем черт не шутит,

не поддастся соблазну и не проговорится этому ретивому искателю правды. А то ведь с его болтливостью полиция и вправду найдет тропинку к ней. Рита очень подходит на роль убийцы – парень прав.

– Тёма, слушай сюда. Дело в том, что я имела глупость попытаться спасти жертву. И позвонила со своего телефона в скорую, а там все звонки фиксируются. По номеру меня и вычислили. В скорой мое объяснение не приняли всерьез. Я говорила сбивчиво, желая предотвратить смерть, но толком не понимая, что происходит. Я лишь чувствовала опасность. Но у нас социальные службы по какому принципу работают? «Когда убьют, тогда и приходите». Мое изложение и просьба о помощи звучали довольно нелепо. Хотя велика вероятность, что вовремя прибывший квалифицированный врач мог бы спасти жертву... Удивительно, что в том месте, где произошло убийство, живут родственники Карловны. Во всяком случае, когда-то жили. Семья ее брата. Они врачи. Хотя для тебя это лишняя информация...

– Ничего себе! – по-детски возмутился Тёма. – Она умерла именно там, где могла бы спастись?! Как же так?

– Вот и подумай! Пораскинь мозгами вместо того, чтобы меня пытаться! – раздраженно оборвала его тираду Рита.

– Но почему ты разговаривала с ней... с этой Карловной? Зачем ты задержалась в этом кафе?! Неужели ты так хотела от меня спрятаться?! Я же стараюсь не надоедать тебе с вопросами о том, когда... ты сможешь взять меня в свой спек-

такль?

Глупый мальчишка! Можно подумать, что весь мир вертится вокруг него. Да и кто поверит моей правде?! Кто поверит...

Рита все же решила сделать последний аккорд в этом разговоре:

– Если ты хочешь узнать, как все было, для начала ответь мне на вопрос: если ты считаешь меня убийцей, почему жаждешь со мной работать? Потому что больше никто не зовет?!

Тёма захлопал глазами, онемев на секунду от праведного возмущения:

– Так я сколько раз повторял: я на твоей стороне! И уверен, что если ты и убила, то было за что. Может, она твоего ребенка покалечила?!

Силы небесные...

– Нет у меня никакого ребенка, – проскрипела Рита. И добавила про себя: «Пока нет».

На нее накатила приступ раздраженной усталости от всего происходящего. И бессмысленности всех слов и действий. Право, что это за инфантильная экзальтация – прятаться и вести конспиративные диалоги в какой-то глуши! И Марина, наверное, сейчас рвет и мечет от тоски – третий день беспутная Рита в бегах. Резко захотелось тепла, уюта, куриного супа, непритязательных мелодрам. Издали аукнула электричка. «Едем!» – скомандовала Рита. Тёме ничего не оставалось, как подчиниться. Была не была, она сейчас всем все

расскажет. Всем – это пока что Марине и неугомонному джокеру, которому не терпится явить миру свой стрит-дэнс. В конце концов, если он такой болтливый, то пусть в его арсенале будут не только ложные обвинения, но и правда. Даже такая странная! В конце концов, кого еще посвящать в происшедшее, как не тех, кто на твоей стороне.

* * *

– Ты уверена?! Это ведь крайне серьезное обвинение!

Тревогин вскочил и предусмотрительно захлопнул дверь. Теперь Сашка ничего не услышит, если только не прильнет ухом к замочной скважине, что чревато любыми неожиданностями. Что же делать?

Началось все с того, что позвонил Антон и сказал, что задерживается. Сашка в этот момент уже пришел в Рахманиновку и стал искать, где бы ему пристроиться и скрасить ожидание телефонными играми и соцсетями. Он уже было присмотрел шикарный старинный подоконник, но услышал спускающийся по лестнице знакомый тембр. Уля! Встретиться с ней не хотелось, поэтому Саша бочком, бочком юркнул на этаж – но звуковая волна шла за ним. И к ней присоседился раскатистый баритон. Саша осторожно обернулся – Тревогин! Он сделал вид, что рассматривает какой-то стенд с фотографиями, но уловил, что те двое треплют знакомую фамилию. Так Антона же! С чего бы это?! Саша сунулся бы-

ло в разведку. Которая, однако, не увенчалась успехом. Ясно было лишь одно – бобриха затеяла какую-то отвратительную игру, чтобы подставить своего коллегу. И единственного стоящего учителя из всех, с кем Сашке довелось заниматься.

Антон надо предупредить! Хотя тут можно сесть в лужу: вдруг его ретивый ученик по незнанию увидел заговор в обыденном происшествии. Возможно, вредная Уля на всех стучит?! Все давно это знают, и... Впрочем, по словам Тины, она здесь работает без году неделя. Ладно, можно просто сказать, что Тревогин просил к нему зайти. Сами разберутся.

И Сашка со свойственным юности легкомыслием через минуту уже забыл о проблеме. Меж тем занятие в этот день так и не состоялось. Антон позвонил, принес свои извинения и перенес урок на выходные к себе домой. Сашке вовсе не показалось это странным – ведь так уже бывало. Дома у Антона жена и маленький ребенок. В принципе отсрочка на руку – будет время получше подготовиться.

Зато Тина от такого поворота заметалась в догадках! Антошу «подсидивают», Тревогина склоняют, Рахманиновка дала трещину! Сашке пришлось раз пятнадцать пересказывать мизансцену, мельком им увиденную, а точнее, так толком и не подслушанную. Вершиной матушкиного помешательства была версия о том, что Антона обвинили в убийстве Анны Карловны. Злобный навет молодой змеи.

– Тебе бы в желтой прессе работать, – вздохнул измученный сын.

– А я и работала сколько лет! – парировала Тина в запале. – Где я только не работала, мой ехидный друг.

Дальше начались многочасовые переговоры. В роли связистки выступала, конечно, Сиреневая Маша. За вечер она нарыла такое досье, что Дзержинский вышел нервно покурить из могилы. Из всего, о чем возбужденно тараторила Тина, Саша запомнил три факта. Уля шьет Антону дело о домогательствах к несовершеннолетней ученице. Антон временно отстранен от преподавания. По обвинению в убийстве Карловны задержан... ее родной брат.

– Который доктор? А мотив? – резонно уточнил Саша.

– Маша, Маша! – возбужденно кричала в трубку Тина. – Какой мотив?!

Мотив был, увы, неизвестен. Сашке показалось, что Мария немного обижена на то, что она раздобыла столько инсайдерской информации, а Тине все мало – ей теперь мотив подавай! Люди все-таки очень неблагодарные существа.

Но Сиреневая быстро набрала очки, когда строго излагала инструкцию по дальнейшим действиям.

– А ты говорила, что версию убийства разрабатываем только мы! – укоряла ее Тина. – Чем же нам грозит арест брата?

...Словно они все были в центре крупнейшего политического скандала.

– Арест брата грозит большими чистками в Рахманиновке. Антоша – это первая ласточка. Брата Карловны сажать

не станут, его задержание – наверняка отвлекающий маневр следователя. Уля выполняет чьи-то указания по расчистке рабочих мест для «своих». А вот кому они свои, а кому чужие, рано или поздно мы узнаем. Тревогин наверняка пока ляжет на дно, чтобы не запятнать свое честное имя криминальной историей.

– Маша, но я надеюсь, он вступится за Антона?

– Возможно, за него самого надо будет вступаться! Но мы-то Антошу не бросим! Да что там – мне рассказали, что рахманиновцы готовят пикет в его защиту.

– Мы тоже участвуем! – с пионерским задором пообещала Тина.

– Надеюсь, в защиту Антона рахманиновцы уже договорились и о концерте Снуп Дога на Красной площади, – язвил Сашка.

Перед тем как заснуть, Валентина неожиданно вспомнила, как бросились ей в глаза перемены в Уле. Тогда она мельком подумала, что барышня влюбилась. А что, если это любовь с привилегиями? Был такой фильм, и название это теперь всплыло в памяти. Может, Ульяна завела влиятельного покровителя, и в этом причина ее ретивого вредительства. Но разве от такой любви хорошеют? Впрочем, это сугубо индивидуально.

А следующий день и вовсе успокоил волнения. Прежде всего, потому что после беседы Тревогина с «пострадавшей» несовершеннолетней студенткой с Антона было снято кле-

ветническое обвинение. Эта секретная информация, полученная от Маши, быстро перестала быть секретной. Антон сам написал Сашке, что следующее занятие пройдет, как обычно, в Рахманиновке. Радостное возбуждение по поводу торжествующей справедливости на время затмило все предшествующие тревоги. Словно и не существовало никогда грозной Анны Карловны Тромб. Как мы быстро забываем людей! Валентина, сама от себя не ожидавшая жалости к тиранше, не могла отвязаться от этой мысли. Но ведь отчего-то она умерла! И кто-то, в конце концов, ее любил. У нее есть семья... муж, дети. Каково им сейчас?

Тина поймала себя на зловредной мысли, что ей гораздо интересней то, каково им было раньше, когда мадам Тромб была жива. Каким надо быть, чтобы уживаться в одном доме с женщиной по прозвищу Инквизиция? Муж, наверное, подкаблучник или мазохист. Есть ведь такие, кто любит злобную «мамочку». Дети? Бедные птахи. Их спасением могло быть лишь извечное равновесие природных сил, которое заключается в том, что учитель от Бога может выпестовать десятки учеников, а споткнуться на своем собственном ребенке. А самодур и мучитель чужих детей окажется ангелом для своих.

Внезапный приступ любопытства заставил Тину пробраться в комнату к Сашке и включить его планшет. Она начала лихорадочно подбирать имена в поиске и быстро вышла на искомое. Хореограф Маргарита Тревогина! На Тину об-

рушился пестрый поток информации. Многие из этого она уже слышала от Сиреновой Маши. Но в одном блоге она зацепила кое-что жареное. Некто знавший «Ритку Треф» «с ее подтанцовок у Шуры» писал, что из Москвы ее выжил родной папаша с подачи своей любимой ученицы. «Какой-то вышел меж ними бермудский треугольник»... И далее был недвусмысленный намек на роман Тревогина и Анны Тромб. Вот тебе и мотив!

Впрочем, Маша упоминала, что маэстро – один из тех, кому выгодна эта смерть. Теперь вмешалась еще одна персона – дочь! Хотя если предположить, что убила она, то почему через столько лет? Стареющий корифей угрожал переписать завещание на любимую ученицу? Темное дело.

Уже засыпая, Тина отвергла версию романа. Случись меж ними искра, Тревогин вовлек бы Карловну в свои эксперименты. И они играли бы одну музыку. И Тромб естественным образом превратилась бы в Тромбонику, а не в Инквизицию. Бесконечно жаль, что, переписывая сценарий жизни, нам уже некому его предложить.

* * *

– Мариночка, это я! Ты дома?

Как всегда: сама спит, а дверь открыта. Ну что с ней делать! Рита вздохнула и исподволь взглянула на Тёму – все же ему не нужно знать о теткиной беспечности. «Я знаю, я же

здесь бывал. Сам ей говорил – закрывайтесь!» Ладно, секрет Полишинеля.

Навстречу им вышла тетя Марина, строгая и испуганная. Явно заснула перед телевизором, сейчас будет ругать.

– Маринуля, давай пропустим причитания. Я пропала – я нашлась. У меня была причина.

– Нет, я балдею от этой наглости! – возмутилась Марина, а у самой от радостного облегчения дрожали руки.

«Боялась, что я в запой ушла, – мелькнула виноватая мыслишка у Риты. – Теперь так обрадовалась, что даже Тёму не замечает, словно он тоже по-родственному забежал на обед. Надо понимать, он это практикует».

– Где ты была? – пыталась со смехотворной строгостью чеканить Марина. – Между прочим, твой папаня почти при смерти. Анна Карловна скоростижно скончалась.

– Мариночка, я знаю. А он при смерти, случайно, не потому, что ее убила я?

Марина испуганно замерла. Рите опять стало стыдно. Зачем она так со старой доброй тетушкой Мэй? Шутейное прозвище в честь знаменитой на весь мир героини – родственницы Человека-паука приводило Марину в веселый культурный шок. «Что же ты у меня, девочка-паук?» – «Примерно. У Человека-паука тоже была одна-единственная родственница. Наверное, мать тоже алкоголичка. Иначе откуда у него серьезные генетические нарушения?!»

Пока у всех не случился приступ или припадок, надо ско-

рее рассказывать. Марина оторопела, но готова слушать, ей даже всего два раза пришлось объяснять, что сейчас будет. Все рассядутся, и им объяснят, как все было. Как всегда в английских детективах. Только эффектного разоблачения преступника не получится, потому что он нас не порадовал таким простым решением. И слушателей маловато – надо было для кворума собрать всех гастарбайтеров из Тёминой бригады.

– Рита, но ты мне сразу скажи, что ты непричастна и не виновата! – строго потребовала «тетя Мэй».

– Я не виновата, но причастна.

Ответ Марину только встревожил. Но неожиданно спас положение Тёма, который вдруг произнес взволнованный сбивчивый спич о том, что Рита-де кристальной чистоты человек и в творческой среде таких больше не найти. Марина, падкая на похвалу из народа, приосанилась и заблестела увлажнившимися глазами. Рита была благодарна и растерянна оттого, что недостойна подобных преувеличений. У нее были другие представления о чистоте.

– Итак, начнем по порядку. Тёма был свидетелем того, что я зашла в мамину квартиру проведать ремонт – чтобы тебе, Марина, лишний раз туда не наматывать километры. Мы коротко поговорили, и я отправилась обратно. Но мне стало дурновато. Захотелось посидеть в тепле. А Тёма, вспомнив, что... хотел спросить про обои, побежал за мной. Но это все не важно. Марина, ты помнишь, что по дороге к метро там

сквер. А в сквере, то есть... на стороне проезжей части есть кафе. Туда я и зашла. И там было почти пусто. Несколько столиков, барная стойка, и над ней подвешен телевизор. У меня дома нет телевизора. Я и смотрю-то его только у тебя, Марина. И зависаю – не знаю почему. Но здесь история другая – шла передача, которая не могла меня не зацепить. О фигуристках прошлого. Марин, ты поймешь. Рассказывали о Дениз Бильман. Ты ведь помнишь, как я мечтала в детстве повторить ее пируэт?!

Марина кивнула. Постаралась очень сдержанно. Сколько ею было пролито слез тогда! Не могла она купить коньки. Не потому, что дорого – она бы костями легла, но наскребла бы. И даже не из-за Лариски, хотя ее истерики были веской причиной. Сначала ребенка обнадежить, а потом отобрать у него отдушину... Не хотелось. Но было еще одно обстоятельство. Марина просто боялась. Считала, что Ритуля не боец. Это ж спорт, в нем затопчут, да еще забьют коньками. Ужас! Пыталась растолковать, что это в телевизоре все выглядит красиво: женщина превращается в нераскрывшийся тюльпан. Самый красивый элемент на свете, этот пируэт Бильман! «Но мы же не знаем, скольких девочек отпихнула локтями эта швейцарская Дениз, чтобы стать чемпионкой и звездой! Она даже не первая исполнила пируэт, названный в ее честь...»

В детстве Рита совершенно не понимала, о чем толкует ей тетка. Какие локти, зачем?! Прекрасная Дениз была фантастическим виртуозом. Она свои лавры заслужила. И спра-

ведливости ради: она встала на высшую ступень пьедестала только раз. Именно ее нельзя было уличить в карьерной хватке и звериной воле к победе, которая побуждает идти по головам и строить козни соперницам.

А первое место бесперебойно занимали бесцветные технические фройлян.

Уже тогда, в дремучем своем детстве, Рита чувствовала, какая несправедливость царит в женском спорте. Может, у мужчин то же самое, просто в те годы побеждали ее любимчики. Игорь Бобрин с номером «Спящий ковбой», например... Или мужчине всегда есть кому утешить? Или чуяла, что в будущем ей придется испить эту чашу несправедливости до дна? Несправедливости общечеловеческой и совершенно не зависящей от пола.

Многие печали в мутной реке жизни всколыхнул волшебный пируэт Бильман. И в то же время – надежду.

Рита вынырнула из воспоминаний и продолжила:

– Я присела к стойке, чтобы было удобнее смотреть передачу. Но боковым зрением, которое у меня, как у любого танцора, развито до крайности, замечаю, что за столиком у окна сидит до боли знакомая персона. Папашина железная фаворитка Тромб! Я глазам своим не поверила – уникальное совпадение! Начинаю осторожно присматриваться – вижу, что она сидит за столиком с какой-то девушкой. И тут меня прошибает холодный пот! Я понимаю, что эту особу я тоже вижу не впервые... И где я ее встречала? У мерзавца Микки!

Муженька Анны Карловны, владельца ресторанов, скользкого типа, с которым когда-то я имела глупость переспать. Марина, не вздрагивай! Мой папаша раздул из этого чуть ли не роман Ги де Мопассана и предал меня анафеме. И я его, соответственно, тоже. И до сих пор считаю это свинским предательством – переложить вину за этот инцидент на меня, восемнадцатилетнюю идиотку. Микки – знатный ходок, но исторически сложилось, что ему это прощают. Дескать, бедный мужик, не с Инквизицией же ему ложиться в постель!

– Рита, неужели ты до сих пор не поняла, что отец за тебя же и беспокоился. Он ведь как раз боялся, что если ты смолоду не усвоишь железное правило не заводить шашни с чужими мужьями, то тебя ждет разбитая жизнь. И вообще... разъяренная баба – она, знаешь, на все способна! – многообещающе заключила тетя Марина. И задышала тяжело и часто. Разбередила себя, наивная душа...

– Вот о разъяренной бабе – это ты очень вовремя, – усмехнулась Рита. – Именно это и пришло мне в голову, когда я попыталась проанализировать то, что мне случайно довелось увидеть. Конечно, это был не анализ, а моментальная оценка ситуации – ведь часть меня была погружена в ностальгический мир фигурного катания. Я взъерошила кое-какие детали и отчетливо вспомнила, что в момент моего визита к Микки эта девушка репетировала с другими музыкантами. Видимо, она играет в этом клубе. А протезировала ее сюда, разумеется, Анна Карловна. Я уверена на все сто, что все

играющие в заведениях ее супруга попадают туда только по ее рекомендации и протекции. Хотя бы потому, что Микки некогда и, по большому счету, лень этим заниматься. В руках у девушки был духовой инструмент – то ли кларнет, то ли флейта, я в них плохо разбираюсь. И какой-то другой инструмент лежал в футляре рядом. Барышня явно умела играть на нескольких. Когда-то я слышала от отца, что Карловна с трудом мирится с тем, что для духовика естественно быть инструменталистом-полиглотом. Она считает, такая «полигамность» уместна лишь на стадии крепкого профессионализма. Однако самым способным она прощает этот «грешок»... Сопоставив все это, я с высокой долей вероятности предположила, что описываемая фигурантка – ее ученица. Очевидно, одна из тех, кто на хорошем счету. Кого Тромб считает перспективной. И что же в результате? Вероломная ученица получает работу – и пытается увести у своей благодетельницы мужа. Принцип «не делай добра – не получишь зла» в действии!

– А это ты с чего взяла?! – испугалась Марина. – Я ничегошеньки не понимаю! Сидят два человека, общаются... а ты их уже во всех смертных грехах подозреваешь.

– Дело в том, что общались они довольно странно. Это было не слишком похоже на дружескую встречу. Карловна роется в своей сумке, словно не может найти важную мелочь, потом достает некий тюбик, из которого явно протек какой-то крем... Словом, возня с неясными намерениями.

Поручиться я могу лишь за то, что мадам Тромб явно просит свою визави о какой-то услуге. И барышня кивает и идет в сторону туалета. А далее – вы не поверите, но вам придется! – Анна Карловна проворно достает из своей сумки маленький пузырек и выливает его содержимое в кофейную чашку своей собеседницы! Я в первые секунды совершенно не понимаю, что происходит. Думаю, что наверняка мне показалось и это ее собственная чашка. Но потом... Карловна нарочно разбивает этот сосуд. Я четко вижу это движение за счет того, что очень удобно расположилась для наблюдений, сама того не желая. И меня пронзает мысль, что сосуд должен быть тонкостенный, специально подобранный, потому как разбить обычный бутылек для лекарств не так уж и просто...

Все это, как вы понимаете, приходит мне в голову за секунды. Но именно разбитый сосуд заставляет вспомнить о том, что родственники мадам Тромб – врачи. Какая-то связь с медициной присутствует. Потому что именно Карловна, точнее, ее родня подгоняла отцу сердечные лекарства. Передозировка некоторыми из них чревата летальным исходом, это известный факт.

– Так это ее брат! И он живет в том же районе, где все это произошло! – с жаром воскликнула Марина.

– Стоп! Но если Карловна, как ты описываешь, отравительница, то почему же она сама и умерла?! – резонно поинтересовался Тёма.

– Это самое интересное в этом преступлении! И самое рискованное для меня, потому что затрагивает мое невольное участие в этом деле, – обреченно заключила Рита. – У меня, к сожалению, быстрая реакция на всякого рода авантюры. К тому же Марина права: хоть я на много лет разозлилась на папашу, но не могла не уловить тогда в его поношениях страх. Он, конечно, никогда не признается мне в том, что элементарно боялся Анну Тромб. Подсознательно боялся ее мести мне. Или – ему самому? Разумеется, косвенной, неявной. Чутье у него работает. Поняла я это через много лет. И никогда не жалела, что выскользнула из столичной тусовки и попала в другую. Там все шло гораздо медленнее, зато я обросла близкой по духу артистической семьей. Притом не утратив здешних связей. Однако речь не об этом. Схватив ручку и блокнот – этот старомодный набор у меня всегда под рукой, потому что мне так удобно, – я патетически нацарапала на вырванном листке «Ваш кофе отравлен» и, холодея, отправилась на переговоры с Инквизицией. Не скрою, что я тоже ее боялась. Но раз уж я в этом безлюдном кафе оказалась единственным свидетелем, а персоналу особо и дела не было до происходящего, то пришлось мне вмешаться. У меня имелось несколько версий развития событий. Я завязываю разговор и якобы нечаянно сталкиваю отравленный кофе со стола. Разбился пузырек, теперь до кучи еще и чашка, зато все живы. Но это у меня вряд ли получилось бы. Поэтому я приготовилась незаметно сунуть за-

писку барышне, которую, как я предполагала, Карловна желает убить из ревности. Для этой задачи надо было родиться фокусником, а не танцором! В общем, утопичность моих стратегий мне стала очевидна, как только я подошла к столу Анны. Там уже подметала осколки официантка, поэтому Карловне пришлось встать. Одновременно вернулась из уборной озадаченная барышня и начала объяснять, что бумажных полотенец там нет. Понятно, что Карловне были абсолютно не нужны никакие полотенца, ей просто было необходимо на пять минут отослать свою жертву, чтобы влить ей в кофе яд. Поэтому Инквизиция слушала ее вполуха. Главным ее раздражителем теперь была я. Господи, что же это был за взгляд! Она могла им растворить собеседника, как соляная кислота.

Однако если бы она сразу в своей обычной ледяной манере потребовала, чтобы я освободила ее от своего присутствия, то пришлось бы сознаться, что я – опасный для нее свидетель. Ведь не стала бы она меня убивать в присутственном месте при свидетелях, пусть и малочисленных?! Соглашусь, план так себе. Я торопливо, пока не заткнули, разливаюсь соловьем о своих предстоящих премьерах... И хотя Карловне они сто лет не нужны и она уже готова проклясть меня, предполагаемая жертва, пока ее наставница стоит к ней спиной, вдруг делает ловкую рокировку. И чашка с отравленным кофе оказывается на той стороне стола, где сидит мадам Тромб! Чашки с блюдечками ведь совершенно одина-

КОВЫЕ...

– Так что же получается – первоначальная жертва знала о том, что ее будут травить?! А зачем тогда она встречалась со своей убийцей?! – перешла на заговорщицкий шепот Марина.

– Это, как и многое другое, я могу лишь предположить. Думаю, что барышня не знала, но догадывалась. А Инквизиция заманила ее на встречу каким-то жирным калачом. И потом... есть люди, у которых быстрая реакция и мощный инстинкт самосохранения. Но можете представить, каково мне?! Я вручаю Карловне рекламный буклет театра...

– Вот по нему тебя и нашли! – с авторитетным видом заявил Тёма. – А вовсе не по звонку в скорую.

– Там все данные не московские. И не про мой спектакль, так что мое имя вообще не фигурирует. Я его сунула, просто чтобы распрощаться, чем-то закончить разговор. На ватных ногах я положила под свою чашку на стойке пятьсот рублей и поковыляла к выходу. И вот там я уже позвонила. Я попыталась объяснить, как было. Упредить непоправимые последствия. Но ведь никому на тот момент пока не стало плохо! И я понятия не имела, каким препаратом был отравлен кофе. Впрочем, меня только сейчас пронзила догадка, что «скорая»-то приехала. И от нее поступил сигнал в полицию. Только было поздно. И меня там уже не было. Вот и весь сказ... Я так долго об этом рассказывала, а произошло все очень быстро! Но в жизни всегда так: опаньки – и тебя уже

нет. Теперь у меня одна страшная мысль: я соучастник убийства или свидетель? И ведь не попадись мне на глаза этот пируэт Бильман...

– Ритуля, я думаю, что надо все это подробно рассказать отцу, – после долгой паузы произнесла Марина.

– Как ни странно, впервые я в этом с тобой согласна. Писать заявление в наши правоохранительные органы я не готова. Это папенькина музыкальная епархия, пусть и решает, что делать. Если будет надо – что ж, выступлю свидетелем. Больше чем уверена, что отец знает эту девушку, которая отправила Карловну на тот свет в целях самообороны. Я ее исхитрилась сфотографировать на телефон, между прочим. Нечетко, конечно, но в общих чертах схвачено...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.